

необходимостью должна быть разработка специальной международной конвенции.

В этом случае структура международной конвенции могла бы выглядеть следующим образом:

1) преамбула, где можно было бы изложить положения ст. 13 -15 Пакта об экономических, социальных и культурных правах человека, в частности, право каждого человека на участие в культурной жизни, пользование результатами научного прогресса и их практического применения, пользование защитой моральных и материальных интересов, возникающих в связи с любыми научными, литературными или художественными трудами, автором которых он является, право на образование, на свободу исследований и творческой деятельности, право на международные контакты и сотрудничество;

2) определение академической свободы, состоящее из ряда выше-перечисленных элементов;

3) роль и место научных институтов и университетов в обеспечении академической свободы;

4) роль и место государства в обеспечении академической свободы;

5) международный орган по контролю за обеспечением академической свободы, выполняющий в том числе и функции арбитра;

6) ответственность государства, научных центров и членов академического сообщества за нарушения и злоупотребления академической свободой.

Статья поступила в редакцию в январе 1999 г.

■

МЕЖДУНАРОДНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУД: ИСТОРИЧЕСКИЙ ШАГ В ДЕЛЕ БОРЬБЫ С БЕЗНАКАЗАННОСТЬЮ

Уильям А. Ш а б а с *

Через 50 лет после того, как это было обещано в статье IV Конвенции о геноциде, Международный уголовный суд наконец увидел свет. Он был создан на Римской конференции, которая проходила с 15 по 17 июля 1998 г. после четырех лет напряженных переговоров. В настоящей статье мы кратко рассмотрим Римский статут Международного уголовного суда и обсудим вопросы, касающиеся вступления в силу этого договора.

Документ, который отныне будет известен под названием "Римский статут Международного уголовного суда", был принят 17 июля 1998 г. при завершении работы Дипломатической конференции полномочных представителей государств под эгидой Организации Объединенных Наций по

* Магистр гуманитарных наук, доктор права, профессор отделения юридических наук Университета Квебека в Монреале, Канада.

учреждению международного уголовного суда. Статут, который является международным договором, предусматривает, что Международный уголовный суд будет учрежден после того, как 60 государств ратифицируют Статут или присоединятся к нему, на что может потребоваться несколько лет. Когда договор вступит в силу, Суд сможет судить отдельных лиц за совершение международных преступлений четырех категорий: геноцид, преступления против человечности, военные преступления и агрессия. Существуют важные предварительные условия для того, чтобы Суд мог осуществлять свою юрисдикцию. Во-первых, должны оказаться несовершенными национальные системы правосудия; действительно, Суд является лишь “дополнительным” по отношению к существующим национальным судебным механизмам и может действовать, только если они не сработали по ряду причин, перечисленных в Статуте. Во-вторых, Суд может судить только лиц, являющихся гражданами государств—участников договора, или лиц, которые обвиняются в совершении преступлений на территории государств-участников. Если Суд сочтет обвиняемых виновными, они могут быть приговорены к пожизненному тюремному заключению.

Принятие Римского статута завершает усилия, направленные на учреждение международного судебного органа, которые начали предприниматься уже в конце первой мировой войны. Но примеры действия международной уголовной юстиции в отношении серьезных преступлений ограничиваются специальными (*ad hoc*) судами, созданными для того, чтобы рассмотреть конкретные ситуации и уже после того, как они имели место — нацистская Германия, Япония, бывшая Югославия и Руанда. Новый Суд будет рассматривать только преступления, совершенные после его учреждения. В качестве постоянно действующего международного учреждения он будет работать в тесном сотрудничестве с Организацией Объединенных Наций, формально являясь независимым.

В данной статье предлагается краткое рассмотрение Римского статута и характерных особенностей Международного уголовного суда. Текст Статута приведен в этом номере журнала в разделе “Документы”.

Немного истории

Историки международного уголовного права часто начинают со средневекового суда над сиром Петером фон Хагенбахом, которого судили и казнили за его жестокое правление в Брайсбахе¹. Но Версальский договор является первым экспериментом по установлению международного правосудия в современных условиях. Статья 227 предусматривала возможность судебного процесса над кайзером, осуществляемого международным трибуналом, но этот процесс так и не состоялся, поскольку Нидерланды отказались его выдать². Версальским договором также предусматривались процессы военных трибуналов союзников в отношении лиц, обвиняемых в нарушениях законов и обычаев войны³. Впоследствии Германия отказалась выдать тех, кого союзники решили судить, аргументируя это тем, что суд над многими ее главными военачальниками будет угрожать самому существованию правительства. Был достигнут компромисс, который, как казалось, не противоречил статье 228 Версальского договора. Верховный суд импе-

рии должен был судить в Лейпциге тех, кому союзники предъявили обвинение. Были подготовлены списки, в которых значились имена 896 немцев, но лишь некоторые из них действительно подверглись судебному преследованию по обвинениям в соответствии с Военным уголовным кодексом Германии и ее Имперским уголовным кодексом⁴.

С того времени неоднократно делались попытки создать постоянный международный уголовный суд, и в 1937 г. соответствующий договор был подписан тринадцатью государствами, но он так и не вступил в действие⁵. Когда вторая мировая война завершилась, Комиссия по военным преступлениям Организации Объединенных Наций также подготовила проект Устава Международного уголовного суда⁶.

Огромным достижением в этой области явилось принятие 8 августа 1945 г. в Лондоне Устава Международного Военного Трибунала⁷. Реально Устав был использован только для одного судебного процесса — суда над двадцатью тремя “главными военными преступниками” нацистского режима, который начался в ноябре 1945 г. и закончился 1 октября 1946 г. Трибунал имел полномочия осудить за совершение военных преступлений, понятие уже вполне установившееся в международном праве, но также за совершение преступлений против мира и преступлений против человечности, признание которых было не столь однозначным. Приговор Международного Военного Трибунала относительно злодеяний нацистов является новаторским историческим документом⁸. Тогда же Токийский Военный Трибунал рассматривал дела японских военных преступников в соответствии с уставом, который был составлен по образцу Нюрнбергского Устава⁹. Большинство нацистских и японских военных преступников, а также их пособники предстали перед национальными судами государств, где преступления были совершены, или перед военными трибуналами, учрежденными победившими союзниками. В Германии самыми важными из них были те, которые состоялись в Нюрнберге и проходили с 1946 по 1948 гг. Судебные рассмотрения осуществлялись американскими военными судами в соответствии с Законом № 10 Контрольного Совета¹⁰.

Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятая 9 декабря 1948 г.¹¹, предусматривает возможность создания международного уголовного суда¹². В 1950 г. в результате работы, проведенной Комиссией международного права по вопросу об установлении международной уголовной юрисдикции, Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций решила учредить комитет, которому будет поручено подготовить проект договора¹³. Однако после того, как работа откладывалась дважды на Генеральной Ассамблее¹⁴, проект создания международного уголовного суда был положен в “долгий ящик” и забыт более чем на тридцать лет. По поручению Ассамблеи Комиссия международного права наконец вернулась к этому вопросу¹⁵. Комиссия представила своей доклад Генеральной Ассамблее в 1994 г.¹⁶ Но события опередили действия Ассамблеи. В мае 1993 г. Совет Безопасности своим решением, которое можно назвать новаторским и которое опиралось на положения Главы VII Устава Организации Объединенных Наций, создал международный трибунал *ad hoc* для рассмотрения преступлений, совершенных в бывшей Югославии, начиная с

1991 г.¹⁷ В ноябре 1994 г. аналогичный шаг был предпринят в отношении Руанды¹⁸.

Генеральная Ассамблея приняла решение продолжить работу в этом направлении и создала специальный Комитет для рассмотрения проекта, подготовленного Комиссией международного права¹⁹. Комитет собрался в 1995 г. и представил Ассамблее доклад²⁰. Было совершенно очевидно, что необходимо проделать еще достаточно много работы, а Ассамблея создала Подготовительный комитет для того, чтобы он подготовил почву для созыва дипломатической конференции²¹. Подготовленный комитет собирался на свои сессии, которые продолжались несколько недель, в 1996, 1997 и 1998 гг. Его Заключительный доклад был представлен Дипломатической конференции, которая состоялась в Риме в штаб-квартире Продовольственной и сельскохозяйственной организации и продолжалась более месяца, начиная с 15 июня 1998 г.²² На Конференции, в соответствии с принятой в наше время практикой, старались избегать голосований по различным предложениям и принимать решения по спорным вопросам путем достижения консенсуса. В результате такого процесса принимаются положения, которые никого полностью не удовлетворяют, но с которыми все могут смириться. К 16 июля большинство вопросов по Статуту, включая огромное число технических подробностей, касающихся сравнительного уголовного права, были решены, хотя для нескольких очень важных и значимых с политической точки зрения вопросов решение еще только предстояло найти. Рано утром 17 июля, в последний день работы римского форума, Бюро Конференции под председательством канадского дипломата Филиппа Кирша представило вниманию собравшихся делегатов компромиссный пакет документов, составленных на основании текстов, принятых на основании консенсуса в течение предыдущих пяти недель и предлагающий решение большинства трудных проблем. Предложение получило общее одобрение, хотя некоторые делегаты, в частности из Индии и Соединенных Штатов, выступили против него. На заключительном пленарном заседании Соединенные Штаты настаивали на том, чтобы Статут был поставлен на голосование, несмотря на почти единогласную очевидную поддержку, которую он получил. Делегаты проголосовали за принятие Статута, при 120 голосах “за”, 7 — “против” и 21 воздержавшемся²³.

Дополнительность

Основной предпосылкой существования Суда является принцип “дополнительности”. Статут предоставляет возможность судить нарушителей в первую очередь в рамках национальных правовых систем. И только когда правосудие страны отказывается действовать, Международный уголовный суд может осуществлять свою юрисдикцию. Некоторым образом этот принцип совпадает с подходом, принятым в договорах по правам человека, которые разрешают международным судебным органам принимать заявления от отдельных граждан, только если все внутренние средства правовой защиты были исчерпаны²⁴. Во многих случаях национальные суды не будут испытывать желания осуществлять судебное преследование своих собственных граждан, ко-

торые могут занимать важные посты в структуре политической власти. Тогда у Суда будут полномочия действовать. Могут быть и такие ситуации, когда национальная правовая система развалилась и просто не в состоянии функционировать. Ожидается также, что такая ситуация дополнительности возникнет, когда национальные судебные разбирательства просто окажутся фиктивными процессами, организованными с целью освободить некоторых лиц от ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда. Кроме того, Суд может осуществлять свою юрисдикцию, когда судебные процессы, проводимые на национальном уровне, не являются независимыми и беспристрастными в соответствии с нормами, требующими проведения надлежащей процедуры и признанными международным правом, или проводятся таким образом, что это, в сложившихся обстоятельствах, не соответствует намерению предать правосудию соответствующее лицо²⁵.

Принцип дополнительности как бы возвращает ответственность государствам, которые должны обеспечить наличие эффективного механизма для суда над международными преступниками. Государства имеют право в соответствии с международным правом судить не только военных преступников из числа своих собственных граждан, чего они часто делать не желают, но также и тех, кто никак не связан с самим государством, но по каким-то причинам находится на его территории. Это понятие известно как “универсальная юрисдикция”, и все большее число государств вносят поправки в свое уголовное законодательство для того, чтобы дать возможность национальным судам осуществлять такие процессы²⁶. Если принцип дополнительности будет действовать, Международному уголовному суду придется рассматривать небольшое число случаев. Проблема безнаказанности будет решена за счет того, что право и обязанность действовать будут возвращены тем, кто изначально несет ответственность за осуществление судебного преследования, т.е. национальным судам.

Режим дополнительности противоположен режиму “приоритета” (преимущественного права), который предусматривается для специальных трибуналов²⁷. Если Обвинитель Трибуналов для Югославии или Руанды хочет осуществить разбирательство какого-либо дела силами специального трибунала, то не встает вопрос о том, были ли недостаточными попытки осуществить правосудие на национальном уровне. В деле Талича Трибунал для Югославии считал, что под его юрисдикцию подпадают преступления, совершенные лицом, в отношении которого уже начато судебное расследование в Германии²⁸. Совсем не ставился вопрос о том, что правосудие не свершится судами Германии. Но Трибунал по Руанде в деле, над которым он сначала пытался установить свою юрисдикцию в отношении лица, которое уже обвинялось национальными судами Руанды, решил отозвать свое требование и дать возможность руандийским судам осуществить правосудие²⁹.

Предметная подсудность

Международный уголовный суд обладает юрисдикцией в отношении четырех категорий преступлений: геноцид, преступления против человечности, военные преступления и агрессия³⁰. По общему признанию

они являются основными для международного уголовного права. Именно в связи с этими преступлениями осуществлялось судебное преследование трибуналами в Нюрнберге, Токио, Гааге и Аруше, и считается, что такое преследование можно проводить на основе обычного права даже в отсутствии точных текстов. Суть этих четырех преступлений заключается в том, что они в основном соответствуют серьезным нарушениям прав человека, хотя некоторые ставят по сомнению тот факт, что Суд и Статут находятся в сфере действия права прав человека. При работе над проектом Римского статута делались попытки включить в него преступления, известные как “преступления международного характера”, т.е. нарушения конкретных конвенций, в которых рассматриваются такие вопросы, как захват транспортных средств, терроризм, торговля наркотиками и пытки. Но делегаты Международной конференции не смогли достичь консенсуса относительно механизмов включения этих до некоторой степени второстепенных вопросов в юрисдикцию Суда, поэтому в конечном итоге они были исключены.

Преступление геноцида является первым из перечисленных в Статуте Суда³¹. Оно было первым, получившим определение в резолюции Генеральной Ассамблеи в 1946 г. и затем в *Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него* 1948 г.³² В соответствии с Конвенцией геноцидом являются убийство или другие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу. Определение Конвенции 1948 г. часто критиковалось за то, что в нем не упоминаются политические, социальные, экономические и другие группы³³, но делегаты Дипломатической конференции разумно решили не изменять текст, получивший широкое признание. В любом случае, несмотря на пробелы в определении, данном в Конвенции, не существует опасности, что преступники останутся безнаказанными, поскольку не охватываемые этим определением преступления можно отнести к преступлениям против человечности.

Понятие преступлений против человечности представляет собой важный шаг в развитии права, потому что исключается условие, что таковыми являются только преступления, совершенные во время вооруженного конфликта. А именно так обстояло дело в Нюрнберге³⁴, и Совет Безопасности закрепил это положение, сделав обязательным подобное требование и для бывшей Югославии³⁵. Тем не менее Международный трибунал для бывшей Югославии заявил, что обычное право не требует установления такой связи между вооруженным конфликтом и преступлениями против человечности³⁶, и Римский статут совершенно определенно утверждает этот принцип. Преступления против человечности определяются как действия, совершаемые “в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц, если такое нападение совершается сознательно”³⁷. Сами деяния перечисляются в тексте и включают убийство, истребление, порабощение, депортацию или насильственное перемещение населения, тюремное заключение или другое жестокое лишение физической свободы в нарушение основных норм международного права, пытки, насильственные исчезновения, апартеид, преследование и другие бесчеловечные дейст-

вия. Особенно значимым является внимание, которое уделяется преступлениям, связанным с половой принадлежностью. К ним относятся “изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, принудительная стерилизация или любые другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести.” Упоминание “принудительной беременности” вызвало сильные споры, поскольку некоторые государства считали его косвенным признанием права на аборт. Использование термина “гендерный” в положении, где говорится о преследовании, также вызвало серьезные разногласия. В качестве компромисса было принято дополнительное определение: “термин ”гендерный“ в контексте общества относится к обоим полам, мужскому и женскому”³⁸.

На шкале тяжести преступлений военные преступления обычно находятся несколько ниже того порога, которым определяется геноцид или преступления против человечности, хотя бы потому, что они подлежат наказанию в качестве отдельных деяний и не требуют наличия элемента преднамеренности или свидетельства того, что они являются широкомасштабными или систематическими. Однако из Римского статута те, кто подвергаются судебному преследованию в соответствии с положениями о военных преступлениях, узнают, что “Суд обладает юрисдикцией в отношении военных преступлений, в частности, когда они совершены в рамках плана или политики или при широкомасштабном совершении таких преступлений”³⁹. Положения о военных преступлениях составлены в высшей степени подробно и являются выражением одержимости кодификацией, что может привести к излишне узкому толкованию их Судом. Военные преступления подразделяются на четыре категории: первые две касаются международных вооруженных конфликтов, а вторые две — внутренних вооруженных конфликтов. Они соответствуют тем нарушениям, которые известны как “серьезные нарушения” Женевских конвенций от 12 августа 1949 г.⁴⁰ и Дополнительного протокола I⁴¹, серьезные нарушения законов и обычаев войны и, в частности, Гаагского положения, нарушения общей статьи 3 Женевских конвенций и определенные нарушения Дополнительного протокола II⁴². Несмотря на то, что подробные положения в значительной мере отражают нормы обычного права, существуют и некоторые новшества, например, в запрете на набор и вербовку детей в вооруженные силы⁴³. Включение еще одного нового нарушения (“перемещение, прямо или косвенно, оккупирующей державой части ее собственного гражданского населения на оккупируемую ею территорию, или депортация или перемещение части населения оккупируемой территории в пределах границ или за пределы этой территории”⁴⁴) вызвало резкое осуждение со стороны Израиля, который считает это циничным политическим маневром своих противников, что явилось причиной его голосования против Статута. Одним из главных недостатков перечня преступлений является отсутствие там общего запрета на оружие, которое вызывает излишние страдания. Статут запрещает применение отравляющего газа⁴⁵ и пуль дум-дум⁴⁶, но не химического, бактериологического и ядерного оружия⁴⁷.

Самым трудным для определения преступлением была агрессия, хотя

резолюция Генеральной Ассамблеи дает все элементы, необходимые для составления удовлетворительного текста⁴⁸. Суть проблемы заключалась в том, чтобы разъяснить роль Совета Безопасности, который, в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, имеет полномочия определить наличие агрессии⁴⁹. Несмотря на усилия, предпринятые Движением неприсоединившихся стран, достижение консенсуса оказалось невозможным. Таким образом, агрессия является частью предметной юрисдикции Суда, но при условии, что в дальнейшем Ассамблеей государств-участников будет принято положение, дающее определение этому преступлению и устанавливающее условия, при которых Суд будет осуществлять юрисдикцию в отношении этого преступления⁵⁰.

Четыре преступления составляют “автоматическую юрисдикцию” Суда в том смысле, что любое государство, ратифицируя Статут, принимает его юрисдикцию в отношении этих преступлений. Компромисс, достигнутый в последнюю минуту с тем, чтобы Франция могла присоединиться к общему мнению, необходимому для достижения консенсуса, дает возможность избежать признания юрисдикции Суда в отношении военных преступлений. В соответствии со статьей 124, государство, став участником Статута, может заявить о том, что в течение семи лет после вступления для него в силу этого Статута оно не признает юрисдикции Суда в отношении военных преступлений. Эта “сделка” подвергалась резкой критике на завершающем заседании конференции со стороны некоторых неправительственных организаций. На практике, однако, это достаточно небольшая уступка. История трибуналов, занимающихся рассмотрением военных преступлений в Нюрнберге, Токио, Гааге и Аруше, свидетельствует о том, что если военные преступления и рассматриваются отдельно от преступлений против человечности, то это бывает крайне редко. Другими словами, если военное преступление достаточно серьезно для того, чтобы заслуживать внимания международного обвинителя, значит, оно достигло того уровня тяжести, который необходим для его классификации в качестве преступления против человечности. Действительно, маловероятной представляется возможность того, что кому-то удастся избежать международной уголовной ответственности в результате решения некоторых государств применить статью 124, и ее нельзя считать серьезным недостатком Статута.

Юрисдикция в отношении нарушителя

Международный уголовный суд может устанавливать юрисдикцию в отношении отдельных лиц на двух основаниях. Они могут быть привлечены к ответственности, если являются гражданами государства-участника Статута или если преступление было совершено на территории государства-участника Статута⁵¹. Такое положение является следствием компромисса, достигнутого между двумя крайними точками зрения, которые решительно отстаивали на Дипломатической конференции Германия и США. Германия хотела, чтобы Суд осуществлял универсальную юрисдикцию, поскольку все государства-участники полномочны, согласно международному праву, осуществлять универсальную юрисдикцию и, следовательно, могут передать или делегировать это

право международному трибуналу. США выступали за то, чтобы сфера полномочий Суда была значительно более ограниченной и его юрисдикция распространялась только на граждан государства-участника. Таким образом, до тех пор, пока США оставались бы за пределами договорного режима, Международный суд никогда не смог бы привлечь к судебной ответственности ни одного американского гражданина. США утверждали, что предложение Германии уничтожило бы всякое различие между государствами, которые ратифицировали Статут, и государствами, его не ратифицировавшими. На это Германия отвечала, что, если будет принято предложение США, то определенные лица, которые явно должны подпадать под юрисдикцию Суда, избегали бы правосудия, поскольку вероятность ратификации Статута их собственным государством была бы очень невелика.

У обоих предложений были свои слабые стороны. По мере того, как разворачивалась дискуссия по предложению, выдвинутому Германией, стало ясно: большое число государств не согласно с мнением о том, что универсальная юрисдикция существует для основных преступлений в соответствии с обычным правом, хотя данный взгляд отстаивали многие ученые. Таким образом, возможно, Конференция отбросила назад развитие права по данному вопросу, показав, вопреки суждению ученых комментаторов, что утверждения о широком признании универсальной юрисдикции обычного права, возможно, преувеличены. Настаивая на чрезмерно оптимистическом представлении о современном состоянии права, Германия могла достигнуть результата, обратного желаемому. При обсуждении данного вопроса США напомнили о своих неудачных попытках добиться осуждения Пол Пота такими государствами, как Канада, Испания и Израиль, согласно положениям их законодательства об универсальной юрисдикции. На самом деле универсальной юрисдикции не существует, утверждали США. Однако при этом они, по-видимому, опровергли собственное заявление о том, что Суду не может быть предоставлена универсальная юрисдикция. Если США согласны преследовать Пол Пота в соответствии с универсальной юрисдикцией, почему они принципиально выступают против того, чтобы то же самое делал Международный Суд? Как можно предположить, они считали универсальную юрисдикцию приемлемой для камбоджийцев, но не для американцев, приемлемой для Пол Пота, но не для Уильяма Кэлли или Роберта Макнамары.

Положение, которое в результате было принято, означает, что в обозримом будущем многие международные преступники смогут избежать юрисдикции Международного уголовного суда. Но это не должно вызывать удивления у кого бы то ни было, поскольку Суд создан в силу международного договора, т.е. на основании согласия государств. Тот довод, что “государства-отщепенцы” не ратифицируют договор, имеет свои недостатки, так как государство, сегодня являющееся демократическим, завтра может превратиться в “отщепенца”, о чем свидетельствуют опыты в области договоров по правам человека. Два случая геноцида, имевшие место за последние десятилетия — в Камбодже и Руанде, произошли в государствах—участниках Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него⁵². Кроме того,

многие государства могут счесть ратификацию Статута целесообразной, надеясь на то, что он послужит им защитой от иностранного военного вмешательства, даже при том, что агрессия, как таковая, еще не определена. Если бы Статут существовал несколько десятилетий тому назад, Гренада, Панама, Камбоджа и Вьетнам были бы в силу осуществленной ими ратификации защищены от военных преступлений, совершенных иностранными солдатами на их территории. В заключение следует отметить: юрисдикция в отношении лиц, установленная в Римском статуте, является неполной, однако достаточной для того, чтобы можно было надеяться на создание такого Суда, который внесет заметный вклад в борьбу с безнаказанностью.

Отношения с Советом Безопасности

Оба специальных трибунала были созданы по решению Совета Безопасности Организации Объединенных Наций в соответствии с Главой VII Устава ООН. Их действенность и эффективность проистекают из обязательного характера решений Совета Безопасности и того обстоятельства, что он может принимать дальнейшие меры по выполнению своих решений. Однако какую бы роль ни играл Совет Безопасности, всегда существует опасность, что его действия сочтут политическим вмешательством. Недемократичность Совета Безопасности с его пятью постоянными членами, каждый из которых пользуется правом вето, отражает устаревшую концепцию баланса сил в мире, что еще более усиливает отрицательную реакцию в случае какого бы то ни было вмешательства с его стороны. В своем проекте Статута, подготовленном в 1994 г., Комиссия международного права сочла, что политическая реальность требует того, чтобы для Совета Безопасности была предусмотрена возможность налагать в той или иной форме вето на любое судебное преследование со стороны Суда⁵³. Это предложение многими толковалось как означающее, что Суд не сможет рассматривать какую-либо ситуацию, если ее рассмотрение стоит на повестке дня Совета. Компромиссное предложение, с которым выступил Сингапур на совещании Подготовительного комитета в августе 1997 г., признает возможное право Совета потребовать приостановления судопроизводства, однако согласно этому предложению Совет должен действовать посредством принятия резолюций, позволяя, таким образом, одному из его постоянных членов или любым семи членам заблокировать такую меру. Окончательный текст Римского статута (статья 16) делает еще один шаг в этом направлении, требуя от Совета Безопасности ежегодного возобновления любой такой резолюции.

При использовании таких чрезвычайных полномочий Совет Безопасности должен действовать в соответствии с Главой VII Устава, т.е. реагировать на угрозу миру, нарушения мира и акты агрессии. В последние несколько лет Совет стал трактовать это понятие очень широко, значительно углубляясь в сферу прав человека, причем таким образом, как это вряд ли входило в намерения авторов Устава. Закрепляя требование соответствия Главе VII в качестве критерия для вмешательства Совета Безопасности в работу Суда, Римский статут, по всей видимости, дает Суду возможность судебного пересмотра решений

Совета Безопасности. Таких полномочий до сих пор не имели даже органы, созданные на основании самого Устава.

Можно с достаточным основанием утверждать, что в статье 16 Римского статута нет совершенно никакой необходимости. Если Совет Безопасности является верховным законодательным органом Организации Объединенных Наций согласно статье 25 Устава Организации Объединенных Наций и если обязательства по Уставу имеют преимущественную силу по сравнению с любыми несовместимыми с ними обязательствами, вытекающими из какого-либо другого международно-го соглашения, то, по-видимому, Совет Безопасности может потребовать приостановления судопроизводства по любому делу, рассматриваемому в Суде, на основании статьи 103 Устава. Хотелось бы надеяться, что оба органа будут с уважением относиться к миссии друг друга — что Совет Безопасности будет применять свои полномочия на вмешательство осторожно и только в редчайших случаях, а Суд будет действовать в высшей степени осмотрительно в вопросах, стоящих на повестке дня Совета Безопасности и связанных с острыми проблемами международного мира и безопасности.

“Общая часть” Римского статута

Существенное отличие Римского статута от юридических документов, лежавших в основе международного судебного преследования в тех случаях, когда оно имело место в прошлом, состоит в том, что он содержит смелый новый почин в области сравнительного уголовного правоправедения в истинном смысле этого термина. Статут содержит то, что в уголовных кодексах англо-саксонского права называется “общей частью”, а в романо-германских кодексах определяется как “материальные нормы уголовного права”. Это основные нормы, регулирующие такие вопросы, как отсутствие обратной силы у правонарушений и наказаний, соучастие и участие в преступномговоре, а также допустимость таких оснований для освобождения от уголовной ответственности, как принуждение к действию, самооборона, фактическая ошибка не по вине субъекта и выполнение приказов вышестоящего начальства. Значительная часть таких норм носит узкоспециальный характер и, по сути, представляет собой квинтэссенцию принципов, общих для большинства, если не для всех национальных систем.

Областью, в которой международное уголовное право идет дальше большей части внутригосударственных законов, является его отношение к командирам или вышестоящему начальству. Согласно принципу ответственности командования, который был выработан в ходе процессов, проводившихся по окончании второй мировой войны, на военных командиров может быть возложена ответственность за деяния их подчиненных, даже когда отсутствуют доказательства того, что соответствующий приказ был отдан, или даже того, что командир знал о деяниях, совершаемых его подчиненными. В самой крайней форме в данном случае имеет место уголовная ответственность, аналогичная ответственности за небрежность. Когда об этом принципе впервые зашла речь в 1945 г., он вызвал горячие споры⁵⁴, однако впоследствии он получил более широкое признание. В настоящее время принцип ответственности

командования признается Дополнительным протоколом I⁵⁵ и уставами специальных трибуналов⁵⁶. Римский статут делает еще один шаг в этом направлении, предусматривая ответственность не только военных командиров, но и гражданского начальства. Однако ответственности гражданских начальников придается меньше значения и уголовное преследование против них на этом основании возможно лишь в том случае, если они намеренно не обращали внимания на действия лиц, находящихся у них в подчинении⁵⁷.

Цель кодификации общих принципов может заключаться в том, чтобы ограничить свободу действия Суда. Как представляется, это справедливо для случаев освобождения от уголовной ответственности при действиях по принуждению к действию или ином принуждении. Международный трибунал по бывшей Югославии, не имеющий подробной "общей части" в своем Уставе, был вынужден вынести собственные постановления относительно допустимости различных оснований для освобождения от уголовной ответственности. В том, что касается принуждения к действию, он решил, что на это основание нельзя ссылаться в случае преступлений против человечества⁵⁸. Но Римский статут отменяет решение Трибунала, разрешает ссылку на принуждение к действию при рассмотрении любого обвинения в Суде⁵⁹. Римский статут отступает от существующего международного уголовного права в том, что касается такого основания для освобождения от уголовной ответственности, как приказ вышестоящего начальства. В Уставе Международного Нюрнбергского Трибунала оно прямо исключается. Там указывается, что данный довод можно приводить для смягчения приговора, но не для оспаривания вины⁶⁰. Аналогичные положения имеются в Уставах обоих специальных Трибуналов. Но Римский статут допускает это основание для освобождения от уголовной ответственности при условии, что приказ не был "явно незаконным"⁶¹. Хотя он и не исключает полностью данное основание в случаях геноцида и преступлений против человечности, он все же утверждает, что приказы о совершении этих преступлений по определению относятся к явно незаконным. Закрепляя нормы, регламентирующие основания для освобождения от уголовной ответственности, Статут не мешает Суду принять иные основания для освобождения от ответственности⁶², и согласно данному положению, он может принять такие основания, как военная необходимость и репрессалии.

Процедура

Дело в Суде может быть возбуждено любым из государств-участников, Советом Безопасности, действующим на основании Главы VII Устава Организации Объединенных Наций, или Прокурором, действующим по собственной инициативе⁶³. В последнем случае Прокурор не может проводить расследование, не получив санкции Палаты предварительного производства. В тех случаях, когда уголовное преследование возбуждается по инициативе государств-участников или Совета Безопасности, Прокурор по своему усмотрению может вынести решение не предпринимать действий, однако при этом он должен обосновать данное решение перед Палатой предварительного производства⁶⁴.

Канцелярия Прокурора является отдельным и независимым органом Суда. Его возглавляет Прокурор, которому помогают один или несколько заместителей Прокурора⁶⁵. Прокурор и заместители Прокурора избираются путем тайного голосования абсолютным большинством голосов членов Ассамблеи государств-участников. Все заместители Прокурора избираются одинаково из списка кандидатур, представленного Прокурором. Вопрос о независимости Прокурора принадлежал к числу важнейших при подготовительной работе над Статутом. Некоторые государства указывали на маловероятную возможность того, что пост Прокурора будет занят человеком с нежелательными политическими взглядами и его действия будут невозможно контролировать. Судебный контроль над деятельностью Прокурора со стороны Палаты предварительного производства стал той компромиссной формулой, которая позволила расширить независимые полномочия Прокурора.

Судей должно быть восемнадцать, они избираются путем тайного голосования двумя третями голосов Ассамблеи государств-участников. Кандидатуры судей должны выдвигаться государствами-участниками либо из числа специалистов в области уголовного права, либо специалистов в области международного права. Предполагается, что они будут представлять основные юридические системы. В Статуте конкретно оговаривается необходимость "справедливого представительства в составе Суда судей женского и мужского пола"⁶⁶. Данная норма не вполне отвечает требованию установить полное равновесие между представителями обоих полов, однако она, несомненно, помешает Суду последовать примеру Международного суда, членом которого женщина впервые стала только в 1996 г. После избрания судьи в свою очередь избирают из своего числа Председателя и двух вице-председателей, которые вместе образуют Президиум. Президиум несет ответственность за управление делами Суда и выполнение других функций, предусмотренных Статутом⁶⁷. Члены Президиума постоянно работают в Суде, местом пребывания которого является Гаага, а остальных пятнадцать судей вызывают на заседания по мере поступления дел. Председатель заседает в Апелляционном отделении вместе с четырьмя другими судьями. В Суде имеются также Судебное отделение и Отделение предварительного производства, каждое состоит менее, чем из шести судей. В Статуте предполагается, что специалисты по международному праву будут в основном заседать в Апелляционном отделении, в то время как специалисты по уголовному праву, особенно имеющие значительный опыт участия в судебных процессах, будут направлены прежде всего в Судебное отделение и Отделение предварительного следствия. Каждое дело в Суде заслушивается тремя судьями, которые выносят решения большинством голосов. Палаты предварительного производства состоят из трех судей либо одного судьи, в зависимости от того, какой вопрос рассматривается Судом.

Секретариат, возглавляемый Секретарем, "отвечает за несудебные аспекты управления делами и обслуживания Суда"⁶⁸. Секретаря избирают судьи абсолютным большинством голосов, однако они принимают во внимание любые рекомендации Ассамблеи государств-участников.

И расследование, и судебный процесс регулируются процедурными

нормами, сочетающими обвинительный и инквизиционный юридические подходы, т.е. англо-саксонскую и романо-германскую системы. Например, функционирование Палаты предварительного производства во многом аналогично работе обвинительной палаты во французской системе⁶⁹. Подобно следователю в инквизиционной системе, Прокурор должен расследовать “обстоятельства, свидетельствующие как о виновности, так и о невиновности”⁷⁰. Положения, регулирующие проведение судебного процесса, не регламентируют многих подробностей, предоставляя сделать это Правилам, которые еще только предстоит принять, и не позволяют определить того, элементы какой системы преобладают — обвинительной или инквизиционной. Практика в специальных трибуналах показала, что процедуры сильно различаются в зависимости от того, чему отдает предпочтение председательствующий судья, и что в рамках общих положений такого рода, какие мы находим в Статуте, остается достаточно большой простор для проявления гибкости в том, что касается ориентации процедурного режима. В любом случае, к тому времени, когда вопрос начинает рассматриваться в суде, даже инквизиционная система приобретает все более и более обвинительный характер. Однако совершенно исключается один аспект инквизиционной системы — заочный процесс. Хотя процедура, действующая в случае признания вины, известная системам англо-саксонского права, допускается, ее осуществление регулируется подробно расписанной нормой⁷¹.

Подробные положения описывают права подозреваемых и обвиняемых, как во время расследования, так и во время процесса. Они основываются на международных договорах о правах человека и прежде всего на статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах⁷². Однако в некоторых случаях Статут выходит в этом отношении за рамки существующих документов. Например, как подозреваемый на стадии расследования, так и обвиняемый на стадии судебного процесса имеют право ничего не говорить, причем Прокурор никоим образом не может использовать их молчание для построения предположения об их виновности⁷³. Хотя это право и признается в некоторых юридических системах, в других оно отсутствует, и на международном уровне не существует никаких авторитетных указаний на то, что оно может быть отнесено к числу фундаментальных прав. Обвиняемый имеет право “быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который обвиняемый понимает в полной мере и на котором он говорит, о характере, основании и содержании предъявленного ему обвинения”⁷⁴. Это несколько шире, чем норма Международного пакта, гласящая, что обвиняемый имеет право “быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который он понимает, о характере и основании предъявляемого ему обвинения”⁷⁵. Обвиняемому предоставляются и другие “новые” права: без принятии присяги выступать с устными и письменными заявлениями в свою защиту⁷⁶ и быть свободным от бремени доказывания обратного или обязанности опровержения⁷⁷. В определениях преступлений нет ссылок на “обязанность опровержения”, поэтому значение последнего права не вполне ясно. Но судьи могут дать ему широкое толкование и решить, что ряд доказательственных презумпций, представляющих собой не более чем основанные

на здравом смысле выводы из доказательства, не соответствуют данному положению. Также не ясно пока, будут ли суды по правам человека, как международные, так и внутригосударственные, обращаться к новым элементам, вводимым Статутом, и по-новому истолковывать терминологию устаревających положений, которыми они руководствуются.

По осуждении, Суд может приговорить преступника к пожизненно-му лишению свободы или к лишению свободы на определенный срок, не превышающий тридцати лет⁷⁸. Суд может назначить пожизненное заключение лишь “когда это оправдано исключительно тяжким характером преступления и индивидуальными обстоятельствами лица, признанного виновным в его совершении”. Наказание в виде лишения свободы отбывается в тюремных учреждениях государств—участников Статута в соответствии с соглашениями, достигнутыми Судом⁷⁹. Во всех случаях приговор пересматривается по отбытии осужденным двух третей срока наказания или, если он был осужден к пожизненному заключению, по отбытии им 25 лет⁸⁰. Положения о вынесении приговора являются результатом очень непростого компромисса. В нескольких государствах Латинской Америки пожизненное заключение запрещено конституцией. В ряде европейских государств тот же принцип закреплён на основе решений их конституционных судов. Однако были и противоположные крайние взгляды, в особенности у многих арабских и исламских государств, а также государств Британского Содружества, расположенных в Карибском море, желавших, чтобы Статут признал смертную казнь. О смертной казни не могло быть и речи, и даже США, которые с готовностью применяют ее в рамках своей внутренней юрисдикции, высказались против использования ее на международном уровне. Если бы Римский статут разрешил смертную казнь, многие государства отказались бы сотрудничать с Судом в вопросах, связанных с выдачей преступников. Исключив смертную казнь и допустив пожизненное заключение лишь в исключительных случаях, причем всегда с обязательным пересмотром, Статут показывает пример человеколюбия, что, как можно надеяться, будет способствовать успеху усилий реформаторов внутригосударственных систем уголовного права⁸¹.

Растущая озабоченность положением жертв нарушений прав человека, которую можно заметить в документах международного права прав человека, нашла свое отражение и в нескольких положениях Статута⁸². Наиболее важной является статья 75, которая позволяет Суду обеспечить возмещение ущерба жертвам преступлений, которые он рассматривает. Суд должен “установить принципы”, касающиеся возмещения ущерба, включая реституцию, компенсацию и реабилитацию. В ответ на поступившую просьбу или, в исключительных случаях, по своей собственной инициативе, Суд может “определить ... масштабы и размер любого ущерба, убытков и вреда, причиненных потерпевшим...”. Суд уполномочен постановить, чтобы осужденный возместил ущерб. Согласно Статуту создается Целевой фонд, в который передаются денежные репарации и из которого они выплачиваются⁸³. Выполнение этих постановлений будет зависеть от сотрудничества государств-участников и

может потребовать от них внесения изменений в их собственное законодательство.

Одним из главных обязательств, принимаемых государствами-участниками, является обязанность сотрудничать с Судом на различных этапах расследования и судебного процесса⁸⁴. Получив от Прокурора ордер на арест, государство-участник должно арестовать соответствующее лицо⁸⁵. Статут говорит о “передаче”, а не об “экстрадиции”, опасаясь того, что государства станут ссылаться на положения своего внутреннего права, запрещающие “экстрадицию” их граждан⁸⁶. Любое толкование Статута, которое позволило бы государствам отказаться от экстрадиции своих граждан, имело бы катастрофические последствия для эффективности работы Суда.

Заключение

Статут вступит в силу после того, как будет ратифицирован шестьюдесятью государствами. Высказываются очень разные предположения относительно того, сколько на это потребуется времени — от нескольких лет до десятилетия и больше. Существует мнение, что до тех пор, пока крупные государства, такие как Индия, Китай и Соединенные Штаты Америки остаются за пределами системы, Суд не сможет работать по-настоящему эффективно. Однако имеются достаточные основания надеяться, что Статут в скором времени вступит в силу и что Суд будет играть активную роль, даже если значительные страны и даже континенты будут держаться несколько в стороне.

При окончательном голосовании по Статуту в его пользу высказались 120 делегаций. Эта цифра впечатляет. Среди этих государств много небольших и недостаточно высоко развитых, поэтому для них создание Суда является важным событием. Например, за небольшим исключением, африканские страны, расположенные южнее Сахары, решительно проголосовали за Статут и поддержали работу Дипломатической конференции. Вооруженные конфликты стали настоящим проклятием для этого региона, и многие государства там отчаянно пытаются найти какие-то способы, которые позволили бы обуздать их разгул и остановить сползание к анархии. Международный уголовный суд предлагает им возможность сделать шаг на пути решения некоторых проблем. Государства, испытавшие на себе вооруженные конфликты с участием иностранных вооруженных сил, также должны быть заинтересованы в учреждении Суда. В результате ратификации Статута появится международное учреждение, которое будет рассматривать все злодеяния, совершаемые на их территории, в том числе иностранными войсками.

В конечном итоге большинство государств ратифицирует Статут по тем же причинам, по которым они ратифицировали международные документы по правам человека. Число участников, ратифицировавших каждый из основных договоров по правам человека, значительно превышает 100. Женевские конвенции ратифицированы практически всеми государствами мира. Почему же ратификация Статута не должна пройти с таким же энтузиазмом? История документов по правам человека и международному гуманитарному праву показывает, что узкоэгоистические интересы не оказали серьезного влияния на государства, когда они

принимали решение стать участниками таких договоров, а не оставаться от них в стороне. Следовательно, можно рассчитывать на то, что шестьдесят ратификаций — вполне достижимая цель и что на это потребуется не так много времени.

Есть основания надеяться, что Суд будет способствовать уменьшению количества нарушений прав человека, ибо, как полагают многие, он будет оказывать общее сдерживающее влияние. Считается, что когда будет положен конец безнаказанности и будет существовать угроза наказания, люди будут опасаться совершать правонарушения, за которые другие уже понесли наказание. Эту мысль трудно как доказать, так и опровергнуть, но, конечно, она вызывает сомнения. Реалистично ли думать, что Гитлера, Геринга, Эйхмана, Пол Пота, Карджича или Багосору остановила бы угроза наказания? Хотя фактор сдерживания действительно существует, находясь где-то на периферии международного правосудия, все же в первую очередь Международному уголовному суду, возможно, придется заниматься установлением истины по фактам чудовищных злодеяний в тех случаях, когда внутригосударственные суды не могут или не желают действовать. Например, наиболее важным результатом Нюрнбергского процесса, возможно, стало установление фактов нацистских зверств. Нюрнберг ставит факт нацистского геноцида в отношении евреев вне всякого сомнения, хотя некоторые “историки” до сих пор оказываются неспособны это понять. То же самое делает Гаагский трибунал в отношении Боснии, а трибунал в Аруше — в отношении Руанды. Римский статут закрепляет важные достижения Трибуналов в Нюрнберге, Токио, Гааге и Аруше и обеспечивает сохранение их наследия. Это исторический шаг на пути защиты прав человека на международном уровне.

¹ Robert K. Woetzel. *The Nuremberg Trials in International Law*, London: Stevens & Sons, 1962, at pp. 19—20.

² *Treaty of Peace between the Allied and Associated Powers and Germany* (“Treaty of Versailles”), 1919 T.S. 4.

³ *Ibid.*, art. 228.

⁴ Хотя большинство этих процессов были довольно формальными, два случая, на которые продолжают ссылаться и по сей день, касались вопроса защиты со ссылкой на приказ вышестоящего начальника: *Empire v. Dithmar and Boldt* (Hospital Ship “Llandoverly Castle”), (1921) 21 I.L.R. 437, 16 A.J.I.L. 708, *German War Trials, Report of Proceedings before the Supreme Court in Leipzig*, Cmd. 1450, London: H.M.S.O., 1921, pp. 56—57; *Empire v. Neumann* (Hospital Ship “Dover Castle”), (1921) 21 I.L.R. 430, 16 A.J.I.L. 704 *German War Trials, Report of Proceedings before the Supreme Court in Leipzig*, Cmd. 1450, London: H.M.S.O., 1921, pp. 12—13. Оба решения рассматриваются Верховным судом Канады в деле *R. v. Finta*, (1994) 1 S.C.R. 701, 88 C.C.C. (3d) 417, 112 D.L.R. (4th) 513, 150 N.R. 370.

⁵ *Convention for the Creation of an International Penal Court*, Geneva, November 16, 1937, in Benjamin Ferencz, *An International Criminal Court: A Step Towards World Peace — A Documentary History and Analysis*, Dobbs Ferry, N.Y.: Oceana, 1980.

⁶ “Draft Convention for the Establishment of a United Nations War Crimes Court”, United Nations War Crimes Commission, Doc. C. 50(1), September 30, 1944, in

Benjamin Ferencz. *An International Criminal Court: A Step Toward World Peace — A Documentary History and Analysis*, Dobbs Ferry, N.Y.: Oceana, 1980.

⁷ *Agreement for the Prosecution and Punishment of Major War Criminals of the European Axis, and Establishing the Charter of the International Military Tribunal (I.M.T.)*, (1951) 82 U.N.T.S. 279.

⁸ *France et al. v. Goering et al.*, (1946) 23 *Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal*, 13 I.L.R. 203, 41 A.J.I.L. 172.

⁹ *Special Proclamation by the Supreme Commander for the Allied Powers at Tokyo*, 4 Bevans 20, as amended, 4 Bevans 27 ("Charter of the Tokyo Tribunal").

¹⁰ *Закон №10 Контрольного совета. Наказание лиц, виновных в совершении военных преступлений, преступлений против мира и против человечности*, 20 декабря 1945 г., Official Gazette Control Council for Germany. В Канаде состоялось лишь небольшое число таких судов, что говорит о нежелании, вплоть до настоящего момента, преследовать в судебном порядке тех, кто совершил военные преступления: Patrick Brode, *Casual Slaughters and Accidental Judgements, Canadian War Crimes Prosecutions, 1944—1948*, Toronto: University of Toronto Press, 1997.

¹¹ *Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide*, (1951) 78 U.N.T.S. 277, (1949) C.T.S.27.

¹² "Establishment of a Permanent International Criminal Court for the Punishment of Acts of Genocide", U.N. Doc.A/362, Annex.

¹³ G.A. Res. 489 (V).

¹⁴ G.A. Res. 898(IX); G.A. Res. 1187(XII).

¹⁵ G.A. Res. 44/39.

¹⁶ "Draft Statute for an International Criminal Court", "Official Records of the General Assembly, Forty-ninth Session, Supplement No. 10 (A/49/10), chap. II.B.I.5; and U.N. Doc. A/49/335. See: *James Crawford*, "The I.L. C's Draft Statute of an International Tribunal", (1994) 88 A.J.I.L., 140.

¹⁷ *Statute of the international Criminal Court for the former Yugoslavia*, S.C. Res. 827, Annex

¹⁸ *Statute of the international Criminal Tribunal for Rwanda*, S.A. Res. 955, Annex.

¹⁹ G.A. Res. 49/53.

²⁰ "Report of the *Ad Hoc* Committee on the Establishment of an International Criminal Court", Official Records of the General Assembly, Fiftieth Session, Supplement No.22 (A/50/22).

²¹ G.A. Res. 50/46.

²² U.N. Doc. A/CONF.183/2/Add/1/ See: Christopher Keith Hall, "The First Two Sessions of the UN Preparatory Committee on the Establishment of an International Criminal Court", (1997) 91 A.J.I.L. 177; Christopher Keith Hall, "The Third and Fourth Sessions of the UN Preparatory Committee on the Establishment of an International Criminal Court", (1997) 92 A.J.I.L. 124.

²³ *Римский статут Международного уголовного суда*, A/CONF.183/9.

²⁴ Например: *Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights* (Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах), (1976) 999 U.N.T.S. 171, [1976] C.T.S. 47, art. 5(1) b).

²⁵ *Римский статут*, см. выше сноску 23, ст. 20.

²⁶ For example, Criminal Code, R.S.C. (1985), c. C-46, art. 7 (3.71). See: Charles B. Wagner "The Passing of legislation allowing for trial of those accused of war crimes and crimes against humanity", (1984) 4 *Windsor Yearbook of Access to Justice* 143.

²⁷ See: Adolphys G. Karibi-Whyte, "The Twin *ad hoc* Tribunals and Primacy Over National Courts", (1998) 9 *Criminal Law Forum* (forthcoming).

²⁸ *Prosecutor v. Dusko Tadic aka Dule* (IT-94-1-AR 72), August 10, 1995.

²⁹ See: William A. Shabas, "Justice, Democracy and Impunity in Post-Genocide Rwanda: Searching for Solutions to Impossible Problems", (1997) 7 *Criminal Law Forum* 523.

³⁰ Римский статут, см. выше сноску 23, ст. 5.

³¹ Там же, ст. 6.

³² См. выше сноску 11 ст. 11.

³³ Frank Chalk, "Toward a Generic Definition of Genocide", in George J. Andreopoulos, ed., *Genocide: Conceptual and Historical Dimensions* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1994).

³⁴ См. выше сноску 7, Annex, art. 6(C).

³⁵ См. выше сноску 17, art. 5.

³⁶ *Prosecutor v. Tadic* (Case No.IT-94-1-AR72), Judgment of the Appeals Chamber, October 2, 1995.

³⁷ Римский статут, см. выше сноску 23, ст. 7. See: David Donat-Cattin, "Crimes against Humanity", in Lattanzi, Flavia, ed., *The International Criminal Court, Comments on the Draft Statute*, Naples: Editorial Scieintifica, 1998, pp. 49—78.

³⁸ Там же, ст. 7(3).

³⁹ Там же, ст. 8(1).

⁴⁰ Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях; Женевская конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море; Женевская конвенция об обращении с военнопленными; Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны; в сборнике "Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним", МККК, М., 1994 г.

⁴¹ Там же, Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I).

⁴² Там же, Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол II).

⁴³ Римский статут, см. выше сноску 23, ст. 8(2) (b) (xxvi).

⁴⁴ Там же, ст. 8(2) (b) (viii).

⁴⁵ Там же, ст. 8(2) (b) (xviii).

⁴⁶ Там же, ст. 8(2) (b) (xix).

⁴⁷ Там же, ст. 8(2) (b) (xx). См. Roger S. Clark, "Methods of Warfare that Cause Unnecessary Suffering are Inherently Indiscriminate", (1998) 28 *California Western Int'l L.J.* 379.

⁴⁸ G.A. Res. 3314 (XXIX).

⁴⁹ Устав Организации Объединенных Наций, [1945] 7 ст. 39.

⁵⁰ Римский статут, см. выше сноску 23, ст. 5(2).

⁵¹ Ibid., ст. 12(2).

⁵² Камбоджа присоединилась к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 14 октября 1950 г., Руанда — 16 апреля 1975 г. Другие государства, которых часто предлагают подвергнуть международному правосудию, также давно являются участниками данной Конвенции — Югославия (29 августа 1950 г.), Ирак (20 января 1959 г.), Конго (31 мая 1962 г.), Иран (14 августа 1956 г.), Афганистан (22 марта 1956 г.), Алжир (31 октября 1963 г.), и т.д.

⁵³ См. выше примечание 12, ст. 23(3).

⁵⁴ *United States of America v. Yamashita* (1948) 4 L.R.T.W.C. 1, 36—37; *In re Yamashita*, 327 U.S. 1 (1945); *Canada v. Meyer* ("Abbaye Ardenne Case"), (1948) 4 L.R.T.W.C. 97, 109. По делу Ямасита см. M. Prevost, "Race and War Crimes: The 1945 War Crimes Trial of General Nomoyaki Yamashita", (1992) 14 *H.R.Q.* 303; B. Landrum, "The Yamashita War Crime Trial: Command Responsibility Then and Now", (1995) 149 *Mil. L. Rev.* 293. По делу Майера см. Patrick Brode, *Casual Slaughters and accidental Judgments*, Toronto: University of Toronto Press, 1997.

- ⁵⁵ См. выше примечание 23, ст. 86(2).
- ⁵⁶ Статья 7(3) Устава МУТЮ, см. выше прим. 17; ст. 6(3) Устава МУТР, см. выше прим. 18.
- ⁵⁷ *Римский статут*, см. выше прим. 23, ст. 28.
- ⁵⁸ *Prosecutor v. Erdemovic* (Case No. IT-96-ZZ-T), Judgment of the Appeals Chamber, October 7, 1997.
- ⁵⁹ *Римский статут*, см. выше прим. 23, ст. 31(1)(d).
- ⁶⁰ См. выше примечание 7, ст. 8.
- ⁶¹ *Римский статут*, см. выше прим. 23, ст. 33.
- ⁶² *Ibid*, ст. 31(3)ю
- ⁶² *Ibid*, ст. 13.
- ⁶⁴ *Ibid*, ст. 53.
- ⁶⁵ *Ibid*, ст. 42.
- ⁶⁶ *Ibid*, ст. 36(8)(a) (iii).
- ⁶⁷ *Ibid*, ст. 38.
- ⁶⁸ *Ibid*, ст. 43.
- ⁶⁹ *Ibid*, ст. 57—58.
- ⁷⁰ *Ibid*, ст. 54(1)(a).
- ⁷¹ *Ibid*, ст. 65.
- ⁷² Международный пакт о гражданских и политических правах, Права человека. Сборник международных договоров. Том I, часть I. ООН, Нью-Йорк и Женева, 1994, С. 22.
- ⁷³ *Ibid*, ст. 55(2)(b), 67(1)(g).
- ⁷⁴ *Ibid*, ст. 67(1)(a).
- ⁷⁵ См. выше прим. 72, ст. 14(3)(a).
- ⁷⁶ *Римский статут*, см. выше прим. 23, ст. 67(1)(h).
- ⁷⁷ *Ibid*, ст. 67(1)(i).
- ⁷⁸ *Ibid*, ст. 77.
- ⁷⁹ *Ibid*, ст. 103.
- ⁸⁰ *Ibid*, ст. 110.
- ⁸¹ William A. Schabas, "Sentencing and the International Tribunals: For a Human Rights Approach", (1997) 7 *Duke Journal of Comparative and International Law* 461—517.
- ⁸² David Donat-Cattin, "The Role of Victims in the ICC Proceedings", in Lattanzi Flavia, ed., *The International Criminal Court, Comments on the Draft Statute*, Naples: Editoriale Scientifica, 1998, pp. 251—72.
- ⁸³ *Ibid*, ст. 79.
- ⁸⁴ *Ibid*, ст. 86.
- ⁸⁵ *Ibid*, ст. 59(1).
- ⁸⁶ *Ibid*, ст. 89, 102.

Статья поступила в редакцию в феврале 1999 г.